

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ПЛАЧ ПО ТЕМ, КТО ОСТАЛСЯ ЖИТЬ

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВ

Военная боевая фантастика

Сергей Юрьев

Плач по тем, кто остался жить

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Юрьев С.

Плач по тем, кто остался жить / С. Юрьев — «Издательство АСТ», 2023 — (Военная боевая фантастика)

ISBN 978-5-17-160637-4

Николай Свиридов, подобно Анджею Кмицицу, был готов на все ради славы, и горе тем, кто станет на его пути к ней. Красноармейцы, врангелевцы, махновцы, туркестанские повстанцы, тувинцы — всем мало не покажется. Герой и несомненный герой: «взвод под командованием Н. С. Свиридова атаковал противника во фланг и смелым ударом обратил его в паническое бегство, захватив при этом два пулемета». Так и жил Николай, словно получил отсрочку приговора на 20 лет: делай, что хочешь, но потом заплатишь вдвойне за свою удачу...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-160637-4

© Юрьев С., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Часть первая. Анджей Кмициц с хутора Евлантьев	6
Глава первая. Полтавские сны о далеком	6
Глава вторая. Испытание отрока Николая	17
Глава третья. «Чемодан» навесом	26
Глава четвертая. Отрава прошлого	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Юрьев

Плач по тем, кто остался жить

© Сергей Юрьев, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Разве я плачу о тех, кто умер?

Плачу о тех, кому долго жить...

М. Волошин

Часть первая. Анджей Кмициц с хутора Евлантьев

Глава первая. Полтавские сны о далеком

Дорога за станицей Абинской совершенно испохабилась с наступлением оттепели. Конские ноги с хлопанием входили в жидкую грязь и с подобным же звуком вылезали из нее. Известный охальник и матерщинник Ферापонтов по этому поводу сказал кое-что особо непристойное, но никто во взводе на его сравнение не отреагировал. Из низких облаков сеял мелкий дождичек, и настрой, подобно дождевым каплям, скатывался с одежды и капал под ноги, в жидкую грязь, утопая в ней. Шинели и полушубки потихоньку напитывались водой. Кони чувствовали настрой всадников и тоже еле шли. Что будет дальше? Верста, еще верста, еще десяток, потом будет станица Крымская, потом еще какая-то станица или хутор, а затем море. И нелегкий выбор: куда дальше? За море или... И что это за «или»?

Едущий справа Федот Колентьев поднял лицо к небесам, принял в него с полсотни капель и со вздохом вытер щеки обшлагом.

– Плачет небушко, словно моя Настасья при проводах, наверное, нас оплакивает...

Взводный обернулся, зыркнул на Федота зверем, тот понял и не стал продолжать.

Мерным шагом, сквозь пелену дождя, вперед, в неизвестность. Тянулась их сотня, полк, армия и тянулась. Где-то за спиной погромыхивала артиллерия, неявно так, дескать, я здесь, еще сдерживаю красных, а не сброшена под откос, чтобы бежать легче было. Далеко ли стреляют эти пушки? Знакомые батарейцы говорили, что обычно их пушка бьет не более чем на шесть верст, но если подкопать сошник, то можно гранатою и до восьми верст достать. То есть красные где-то не очень далеко. Правда это мог стрелять и бронепоезд. А с ним загадывать сложно – закрутит свою машину, и вот он, вылетел на прямой выстрел. Хотя стрелять могли и красные батареи, не только донцы и кубанцы.

Как бы подтверждая горестные думы, правее дороги в высоту поднялись три белых облака. Как раз на минуту дождь лить перестал, словно для того, чтобы все это увидели и с дождевой тучкой не попутали.

Взводный, увидев такую картину, аж почернел, выругался и двинул вперед, расталкивая других, к сотнику.

Федот тоже присвистнул и сказал:

– Дождались мы, Колька, светлого праздника! Что, не видел еще такого? Это тяжелые пушки шрапнелью бьют. Сейчас будет нам на орехи.

Николай торопливо перекрестился и зашептал: «Господи, иже еси на небеси...»

Над дорогой прозвучал бас сотника:

– Сотня-я!

Ему вторил взводный, пересыпая команды руганью, чтобы лучше доходило.

Но выполнить их было уже не суждено – по спине как будто колом врезало. И Гнедко захлебнулся ржанием и грохнулся наземь, придавив ногу Николая. Глаза казака уставились вверх и над дорогой увидели вспухающее белое облако.

Оно заполнило собой серое небо и застило серым глазам белый свет.

...Николай Семенович открыл глаза. Нет, это просто кошмарный сон. Вокруг не мерзкая сырость февраля, а летнее тепло августовской ночи. Да и память подсказывала, что не догнала его красная шрапнель на грязной дороге за станицей Абинской. Это вообще не тогда было, а месяцем раньше.

Но, черт возьми, как сон похож на жизнь, словно он вернулся из кровати обратно на дорогу отступления! Так можно вскочить и бежать, судорожно разыскивая коня, шашку и ожидая, что красные из-за угла кухни вывернутся по его душу!

Все, сердце перестало из груди выскакивать, можно спать дальше. Полоса рассвета еще не крадется в окно, значит, он живой, видит сны, а не наяву под огнем лежит. Глаза закрылись, однако сон, хоть и поменялся, но не ушел из прежней колеи – волны уйгуров, накатывающиеся на их строй. Стоявшие на левом фланге китайцы смылись сразу, но от них ничего другого и не ждали, потому на уступе шел другой «алтайский» полк, что пропустил с улюлюканьем губернаторских китайцев и не дал уйгурам возможности ударить во фланг. Огнем «льюисов» они были отброшены, а потом пришло время сабельной атаки. Оба «алтайских» полка, а также бывшая конница Ма рванули вперед – под звуки горнов и медных труб-карнаев. «Алтайские» кричали «ура» вперемешку с матом, а хуэйцзу (вот, прости господи, слова-то) визжали что-то по-своему. Вообще эти хуэйцзу от уйгур видом отличались мало, на взгляд Николая Семеновича: хоть те, хоть эти – какая-то помесь китайца и нормального человека, только китайский вклад в родню у каждого разный. Поэтому ребята Ма в бою повязывали поперек лба белую повязку, чтобы случайно не огрести по тому же лбу шашкой. «Алтайцы» носили бывшее английское обмундирование и казацьи шаровары с лампасами, оттого их не путали, даже если мамаша «алтайца» происходила явно из азиатцев.

Впрочем, Николай Семенович сильно в азиатские лики не вглядывался и предпочитал сначала шашкой, а потом уже думать, это кто там лег в песок или траву? По крайней мере, никто на него не жаловался. Да, конные Ма тогда были с ними и тоже рубали уйгур, а потом сам Ма вылез в мечеть и заявил, что будет воевать с продажным Шенем, но при этом призвал всех стать на помощь верховному хозяину Шеня Чан Кайши. Вот и считай их всегда своими и отводи шашку от них?! И это был не последний маневр Ма из лагеря в лагерь, а его братия бегала еще чаще. Поэтому действительно – лучше шашкой, так хоть тебе в спину не выстрелит. На сей раз сон показал, как все было, ну, кроме возвращения шеневских беглецов и того, как они потом добивали погнавших было их уйгур. Комполка, называемый здесь вслух «вашим благородием», поехал встречать сбежавших и при помощи переводчика и слов высокого давления пояснил китайцам, что если эти сыновья жабы попробуют стрелять, мешая его бойцам отдыхать, то он сделает с ними то, что уже сделал с мятежниками. Поэтому работайте, сукины дети, белым оружием!

Китайцы повиновались и пошли добивать оставшихся на поле холодным оружием. У многих из них за спиной висела огромная кривая сабля шириной лезвия с ладонь, которую поднимать надо было двумя руками. Такой только палачу работать, что, собственно, так и было.

Николай Семенович, видя, что китайцы занялись привычным делом и ничего плохого не замышляют, дал отбой пулеметчикам. Теперь уже можно. Китайцы сейчас начнут обшаривать трупы и раненых, что скоро станут трупами, найдут у них терьяк, и тогда уже не опасны. Они сами уже по полю прошлись, и что хорошее заметили, то и взяли – хороших коней-карабаиров, хорошее оружие (вот с этим было не очень), ну и кому повезло – украшения или кошельки. Провизию не собирали – это пусть китайцы делают, у них солдат что добыл, то и съел: сам собрал, сам сварил, сам сжевал.

А у «алтайцев» армия порядочная, там есть походные кухни и повара, чтобы сварить вечером кашу и чай. Баранину для каши уже обеспечили. А терьяк – пусть им китайцы давятся. В Алтайскую армию любителей опиума не брали, и при подозрении на опиоманию вышибали тут же. У господина Паппенгута на этом был пунтик, и его кукловоды тоже были не против.

А что приходилось делать, когда душа требовала не оолонга по-турфански, а чего-то крепче? Вот тут выручала солдатская смекалка. У уйгуров, как у всяких магометан, с горячительным было не очень, китайцы всю гнали ханжу, но чаще всего такую дрянь, прости господи, что ее надо было вместо наказания давать. Потому ханжу покупали и заново переого-

няли, для чего в полковом обозе ехал аппарат, и Тимоха Верещагин в специально отведенное время делал из дерьма конфетку, то есть из ханжи то, что нужно. Конечно, если покупать неоднократно перегнанное байцзю, то можно было Тимоху и не беспокоить, но чаще на продажу приносили явно перегнанное из местного навоза. Верещагин еще добавлял изюм со специями, отчего получалось вполне приличное пойло.

Китайцы свою водку потребляли в подогретом виде и из крохотных чашечек, емкостью где-то в десятую долю стакана. Разумеется, русская душа делала все по-другому, а когда китайское начальство бывало в полку в гостях, его тоже угощали от всей широты души. Обычно гости в этот день уехать не могли, да и утречком тоже не сразу. Было еще одно развлечение – предложить им похмелиться и показать, как это делается. Китайцы для такого не годились – у них на лицах читалось явное отвращение, смешанное со страхом.

Они, конечно, обычно столько сами не пили, но еще могли допустить, что можно показать невиданную отвагу в поглощении байцзю. Но не два дня подряд! Наверное, командир эскадрона Горячев, на их глазах выпивающий стакан водки, казался им потомком демонов огня...

Сон тек и тек и завершился звонком будильника. Пора было идти на службу. Александра уже приготовила завтрак и укрыла его, чтобы не остыл, а сама решила досыпать. Аиде оставалась еще неделя каникул, так что девочке можно было посмотреть утренний сон.

Николай Семенович считал новейшие изобретения вроде утренней зарядки блажью и причудой для эмансипированных баб. Зачем оно другим? Начнешь готовить снаряжение и коня к походу, так и не надо будет руками махать и ногами тоже. Та же баба, пока мужу и детям на стол все приготовит – зачем ей физкультура? Это безмужние активистки из женотдела могут долго приходить в тонус, как выражался лекпом Азольский. Работящая баба берет тяпку и на огород идет, если мало завтрака для семьи, чтобы стряхнуть остатки сна.

Но в нынешнее время больно много этих свиристелок слушают. И даже для бойцов такое непотребство внедрили!

Пока Николай Семенович в душе рождал сей внутренний монолог, он успел умыться и заняться завтраком. Сегодня не день для бритья, так что все сборы пойдут быстрее. Поел, надел форму, натянул сапоги и, стараясь не сильно греметь подковками на каблуках, вышел из дому.

А уже в палисаднике прицепил шпоры. Тоже трофеем из Восточного Туркестана. Еще царские, савеловские! Не звон, а прямо музыка! Хоть и был Николай Семенович из казаков, а они, в отличие от армейской кавалерии, шпорами не пользовались, потому всю жизнь обходился без них, но вот такие шпоры отчего-то запали ему в душу. Поскольку учили его верховой езде без их помощи, оттого он и носил шпоры только тогда, когда не требовалось ездить верхом. А когда садился на коня, то уже без них.

И тут из-за угла показалась черная кошка, явно намеревающаяся пересечь дорогу bravому капитану. Ан нет, не на того напала! Отпустить этой скотине пинок было несподручно, поэтому он сработал на опережение, перескочив две линии оградки другого палисадника и опередив тем наглую тварь. Черная скотина и потоптанные цветы остались позади, и там уже явно кто-то негодовал, потому Николай Семенович ускорил шаг и быстро покинул поле брани. И действительно брани – слова «вислюк» и «харцызьяка» он точно разобрал. И это было не в адрес Троцкого и кошки. Но – с глаз долой, из сердца вон.

До казарм оставалось еще четыре квартала, на душе было легко и свободно, аж даже снова вспомнилось лихое время заграникомандировки. Жаль, нельзя рассказать, хоть и малость прихвастнув, где он там был и что делал. Давал кучу подписок, а когда малость сболтнул лишнего в подпитии, так пожаловались в партбюро, что разное рассказывает, про какое не принято говорить. Он отругался, что, дескать, был на бровях и ничего не помнит, а потому если что и сделал, то не специально. Сам же втихую сказал секретарю партбюро, что на войне много чего делается негероического, особенно, когда восстания подавляют. Секретарь тоже негромко ответил: «Вот тут ты прав, Коля. Мне самому в плен попались ребята из нашего полка, что

бандитствовать стали, и зачем их было в трибунал тащить, чтобы потом им после каждого революционного праздника отсидку на треть сбавляли?»

До разбирательства персонального дела не дошло.

А воспоминания о Восточном Туркестане сегодня аж плыли потоком. Сейчас пришел на память один паренек, что в тамошнем трактире (азиатское название что-то в голове не всплывало) наигрывал на двухструнном дутаре и что-то пел. Николай Семенович азиатские песни и музыку с трудом переносил, только политеса ради, но с этим парнем было как-то по-другому.

Потому он оторвал толмача от курения кальяна (тоже еще развлечение) и попросил перевести. Тот уже хорошо курнул, поэтому не сразу собрался и начал переводить. Знал толмач ихний диалект не очень, но кое-как смог, а потом Николай Семенович попробовал сделать что-то вроде песни. Вышло:

Ветер бьет в лицо,
Перепел кричит в траве,
Солнца щит в небесах,
А мы в поле!
Ветром пролетим,
Стрелой опустимся,
Копытами затопчем,
Имени не спросим!

Разумеется, все у Николая Семеновича самого не получилось, пришлось привлекать другого «алтайца» с образованием получше. Вот так и вышло, и не совсем плохо. Вообще уйгур пел не «в поле», а «в степи», но поручик-«алтаец» сказал, что «в поле» будет лучше для русского человека. И пояснил, что русские больше лесные люди, то есть живут в лесу или на краю леса, оттого открытое пространство для них ограничено – либо поляна в лесу, либо поле от леса до леса. А азиатцы привыкли к степи или пустыне, которая суть та же степь, но совсем пересохшая.

Тогда Николай Семенович ощутил сначала желание поспорить, поскольку он почитал себя тоже русским, но, как уроженец станицы Боковской Войска Донского, к степи привык сызмальства. Но потом вспомнил, что на Дону многие считали казаков не русскими, а отдельным народом, даже не сословием, а прямо народом. По молодости он это слушал и не встревал поперек, но потом, пообщавшись с умными людьми и книжки почитав, подумал, что все же это не ко всем казакам относится.

Рассуждал он так, что когда-то казаки без царской власти жили. Только изредка на царскую службу шли или даже разбойничали на русской земле, но потом настало время, когда казаки царской власти покорились и стали жить в стране и царевыми верными слугами быть. До того они могли быть и не все русскими – жили они в степи, с азиатцами знали, когда воевали, когда суседились и на азиатских девках женились, так что частью казаки могли быть и нерусского вида и корня. Но большую часть казаков по рожам сильно от тех же москвичей не отличишь, говорят тоже по-русски, и рязанцы с тамбовцами их понимают.

В то же время татары казанские под русской рукой уже триста пятьдесят лет, а попрежнему магометане, и язык у них свой, хотя по-русски говорить тоже могут, но меж собой по-татарски говорят. Те же малороссы за тот же срок и видом, и хозяйством на русских меньше схожи, чем казаки на русских, и, значит, казаки в основном русского происхождения. Конечно, в каком-то одностаничнике и другая кровь намешана, а калмыки еще дальше, но никто калмыка ни с казаком, ни с русским не перепутает. А вот с торгоутом из Восточного Туркестана – уже можно.

Так что пришел Николай Семенович к такому выводу не сразу, путем раздумий, но своих усилий ему стыдно не было.

Надобно сказать, что Николай Семенович порхал, аки птица угод, вдоль тропинки бедствий, и не ведал, что составлен против него комплот с решительными целями, отчего благодать вокруг него только кажущаяся.

Некогда он был искушен, искушению поддался, и с тех пор копился грозный счет, который придется оплатить.

Спустя сорок три года выйдет роман, где прозвучат слова: «И псы ворчали на силу вражью, а он, бес, в сенцах, искушая преосвященного чистоту, смердел мерзко...»

Это уже не про сегодняшнего Николая Семеновича, это про молодого Кольку, которому тогда было двадцать три неполных года. Куга зеленая, как говорили тогда казаки, хлебнувшие Второй Отечественной войны. А он тогда нахлебался только сожаления, что войны на него уже не будет. И даже в этом ошибся, не поняв, что потихоньку заваривается вокруг.

Потому что когда казак станицы Белокалитвенной Чернецов выходит в поле с молодыми казачатами, что учились в станице Каменской, против казака станицы Новочеркасской Голубова с казаками постарше, то называется это как? Гражданская война, вот как.

В оправдание Коли можно сказать только то, что он был еще темен и малообразован, но прыток и резок. Да и закончил тогда всего-то приходскую школу, что для рядовых казаков самое обычное дело. Были, конечно, те, кто учились дальше, но чаще всего та самая «трехзимняя» школа и учебная команда для тех, кто признан годным для унтерофицерской подготовки (в казачьих частях унтер-офицеры назывались урядниками). И в тогдашней империи высокообразованных людей мало. Да и просто образованных тоже. Да и сложновато найти на его родном хуторе или в станице Боковской книги о том, что бывает на гражданской войне. Теоретически-то они были, про гражданскую войну в разные времена написали Бальзак в «Шуанах», Загоскин в «Русские в 1612 году» или Сенкевич в трилогии про кровавый потоп в Польше. Букв в них достаточно много, но в показе реалий, конечно, дистиллированная водичка. Увы, тогда именно так литература действовала – не заостряя.

Еще очень рано было до книг вроде «Песни Льда и Огня» или «Черный отряд». Хотя Кмищиц ему бы мог понравиться. Тоже летел навстречу грозе и буре, не думая, куда и зачем, как сам Коля.

«Больше скорость – меньше ям». Этому его научили потом, на курсах при Академии механизации и моторизации. Когда тебя несет мотор в 90 лошадиных сил, так прямо лететь можно. Вот когда всего одна сила, да еще и на свои кровные купленная: уже сложнее. Но летали. И Николай в раж впадал, его Гнедко и Ветер тоже.

Особенно последний, взятый у махновца под Ногайском. Ни до, ни после у Николая не было такого коня. А откуда махновец его взял – ответ знает только сам Ветер, но не скажет.

Дивизия, где Николай Семенович ныне блистал своими талантами, относилась к уже уходящему типу территориальных дивизий.

Поскольку читатели эту эпоху явно не застали, то они нуждаются в разъяснениях. После Гражданской войны и последующей разрухи выяснилась финансовая невозможность иметь в стране армию численностью в миллион-полтора человек. Хватало на тысяч шестьсот, но такая армия для большой страны была слабовата, а самое главное – все молодые люди, подлежащие призыву, не будут охвачены военной подготовкой. И с каждым годом в запасе будут прибавляться новые тысячи «рядовых необученных». В то же время как никто не мог гарантировать, что нужно потерпеть пару лет и все наладится, деньги на полноценную числом армию отыщутся, а эти полмиллиона-миллион неученых потом как-то удастся подтянуть.

Никто не был против полнокомплектной кадровой армии, но надо было придумать, как в пределах скромного бюджета дать подготовку тем, для кого на место в строю денег не находилось.

И была проведена реформа Фрунзе, названная по имени тогдашнего наркомвоенмора. Наличные стрелковые дивизии были разделены на две большие группы.

А. Кадровые дивизии, количеством около сорока, с численностью каждой около 6000 человек. Они в основном располагались в приграничных военных округах. Штатная численность же тогдашней дивизии предполагалась в 12 800 человек. В нее приходили призванные молодые люди, которые в ней отбывали воинскую службу в течение двух лет, то бишь получали нормальную для тех лет подготовку.

На случай войны эта заготовка стрелковой дивизии должна была быстренько получить недостающий человеческий и конский состав по мобилизации и идти сокращать недругов.

Б. Другой тип – территориальные. Вместо 12 800 человек постоянного состава в ней было около двух тысяч человек, то есть немного артиллерии, штаб, «зародыши» некоторых специальных служб и комсостав, а рядовых – самый мизер. Это была структура для обучения новобранцев с минимальным отрывом от производства. То бишь заканчивались основные полевые работы, и подлежащие обучению молодые люди проходили обучение без двухлетнего отрыва на службу, в виде коротких сборов. Для городских жителей можно было организовать и вечернюю учебу в нерабочее время. Таких дивизий тоже было около сорока, ну и несколько смешанных, где часть полков было кадровых, а часть территориальных.

Таким образом, по замыслу разработчиков, где-то половина призывного контингента нормальную службу проходила, а половина тоже хоть что-то, но усваивала. По прикидкам, эти территориалы требовали на себя только треть средств, которые необходимы для нормальной службы.

Конечно, расчеты оказались сильно оптимистичными, денег и на такую армию хватать не хватало, потому численность войск пришлось сокращать с шестисот тысяч до пятисот шестидесяти тысяч, обучение же в территориальных дивизиях, как выяснилось, оказалось никуда не годным. Но все понимали, что это временная мера, а вот когда деньги появятся, тогда эта богомерзкая система будет ликвидирована. Увы, полная ликвидация территориального ужаса относится к периоду 1937–1939 годов. Плюс в запасе остались многие тысячи тех, кто обучался в территориальных дивизиях и еще не снят с учета, но чему он обучен?

В 1941 году под город Минск направлен мобилизованный товарищ в тамошний пулеметный батальон. По документам он обучен пулеметному делу, по факту он рассказал, что некогда работал на ТОЗе и участвовал в изготовлении оных пулеметов, а именно лодыжки пулеметного замка (и только ее). Конечно, квалифицированный слесарь нужен и в частях, но товарищ числится, как пулеметчик, а он в качестве номера совершенно негоден.

И с обороной страны от войск возможных противников все было не столь гладко, но как-то со случившимися вызовами справились.

Да, на территориальный принцип комплектования переводились стрелковые войска, кавалерия и частично бронепоезда. Специальные войска – нет.

Это еще не все беды от безденежья. Например, от недостатка подготовки и практики страдали не только пулеметчики и стрелки, но и высший командный состав. Тогда стрелковой дивизией мог командовать товарищ в воинском звании комбрига (ввести звание генерала еще не решились). Таких нужно около сотни на наличные девятью с небольшим дивизиями на 1936–1937 год. И эти люди были, поскольку в списках репрессированных числятся 338 человек в этом звании плюс еще сколько-то нерепрессированных (скорее всего, столько же). А вот теперь простая задачка на арифметику из пятого класса: сколько в среднем за период с 1922 по 1937 год мог прослужить этот самый комбриг, командуя именно дивизией? Если взять «тупо в лоб», как пишут ныне в интернете, то максимум два года. В среднем, конечно. Из них у половины приходится на командование вот этой самой двухтысячной территориальной дивизией, то есть полноценную дивизию этот комбриг в бой или на маневры целиком никогда не водил, ну, кроме тех счастливых, кто в Гражданскую дивизией командовал и не пошел выше. Да, это очень

упрощенный подсчет, и по факту будет чуток выше, потому что ряд комбригов уже в войсках не служили, а преподавали, занимались разведкой противника в Разведупре РККА, командовали невоенной структурой.

Дорогое это дело, содержание армии и ее подготовка. Но экономия на ней чревата еще большими потерями.

* * *

Так что сегодня Николаю Семеновичу достались начинающие подготовку двадцатилетние парни из Григоро-Бригадировского района, а тема занятий: «Что такое Красная Армия, из кого состоит Красная Армия и ее задачи». В принципе она доступна для проведения и политруку, и зеленому лейтенанту, только что выпущенному из училища, и даже старшине-сверхсрочнику.

Но принято было в разведдивизионе, что ее начинает либо командир дивизиона, либо военком. А их обоих нет на месте – командир болен, а военком в Ярьесковском лагере подменяет заболевшего командира, изображая условного противника для семьдесят третьего полка. И вот, пока он служит аналогом польского улана или румынского рошиори, то отдувается кто? Помощник командира дивизиона, то бишь Николай Семенович. Ну ничего, сейчас расскажет, а потом плавно, без рывков передаст их командиру батарее. Вон он, лейтенант Иголкин по прозвищу Секретный, ждет своего часа.

Николай Семенович его не любил и даже был против его назначения комбатом – нет в том командирской лихости и понимания людей, да и тактическая подготовка хромает. Вообразил себе, что как он на карте видит, читая статью про оборону Царицына, так ее и видели казачьи генералы и красные командиры. Сейчас – да, все видно и можно понять, кто что правильно делает, а вот тогда – нет! Потому казачьи генералы готовили штурм Царицына, готовили, а никто не ведал, что начдив Дмитрий Жлоба поругается со своим начальством далеко отсюда, плюнет и уведет дивизию через степь к Царицыну, аккуратно в тыл казакам. Поэтому однажды утром астраханские казаки получили сокрушительный удар в тыл. Один фланг осады Царицына оказался развеян по степи. На том бою не закончились, но смысл-то какой: будь всегда готов ко всему, не жди, что враг будет с тобой плясать, как девка в хороводе – куда ты ее ведешь, туда и она! А Иголкин того не понимает. Вот пока не дозрел, то и нечего ставить таких на командные должности. Но тут этому чуду судьба улыбалась – он в батарее только один средний командир, а пока второго дадут, так и все жданки прожدهшь.

Вот и ходит Секретный в комбатах, не заслуживая этого. Прозвище он заработал тоже благодаря своей дурости. Должны им в эту батарею были поставить новейшую технику, вроде бы какие-то специальные, очень легкие пушки на автомобильном ходу, чтобы они аж летали и конников-разведчиков поддерживали огнем, когда нужно. Что это были за пушки, так никто и не узнал. Иголкин и будущие командиры орудий в секретной части под надзором особого отдела сидели и зубрили, после чего у них конспекты и брошюры забирали и прятали. А вышло как – эти новые пушки не дали, а поставили четыре обычных полковых пушки, каких в дивизии много, и обычные же полторки. Чтобы НАЗы не плелись, щадя не приспособленную к мехтяге ходовую часть пушки, а ездили нормально, то сделали из досок направляющие и вкатывали их в кузов машины. Тогда пушка едет с той скоростью, что мотор выжимает, только расчет дважды гимнастикой занимается – пушку то в кузов, то обратно. Ну, а Иголкин заработал такое прозвище, потому как аж раздувался от гордости, что ему эти пушки доверили (можно подумать, за какие-то его личные достижения), и таинственно намекал, что вот, дескать, ему доверили секретную технику и только ему, и он даже сказать не может, что за страшные тайны знает... Тьфу, пудросток!

* * *

Николай Семенович свое отношение к Иголкину не считал нужным маскировать, благодаря чему тот тоже испытывал к начальству чувства, далекие от любви. И, буквально не отходя от кассы, Николай Семенович дал возможность комбату перевести чувство личной неприязни в политическую плоскость.

Ибо наш герой был озадачен вопросом григоро-бригадировцев про то, когда будет построен социализм в СССР. Правильный ответ звучал так, что он уже построен. В основном. Этого было вполне достаточно, если дискуссия не шла в столь почтенном учебном заведении типа Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова или на пленуме ЦК. Там можно было влезть в детали, упоминая то, что именно говорил Ленин, а что говорил Фольмар, и кто, когда и как изменил своим прежним взглядам. Возможно было просто сказать, что товарищ из Григоро-Бригадировского района политически незрел и задает вопросы, на которые уже дан исчерпывающий ответ. Не хватало еще того, чтобы он сомневался в том, что солнце завтра встанет на востоке, и дети берутся не из... отсюда.

Николай Семенович в тот момент пребывал в состоянии, противоположном тому, о чем постулировал, когда вещал: «Будь всегда готов ко всему, не жди, что враг будет с тобой плясать, как девка в хороводе». Ну да, быть всегда на высоте сложновато, поэтому он и заявил, что до этого еще не скоро, потому как надо сильно изменить сознание людей, а пока это не произойдет, о построении социализма говорить рано. Или как-то в этом роде, но с тем же смыслом.

А вот это уже сильно напоминало троцкистскую ересь по данному вопросу, что для члена партии нехорошо пахло. За такое можно было и исключение из рядов заработать и другие неприятные вещи, проистекающие из исключения. Потому Иголкин мысленно потер руки и сделал зарубку в памяти. Как воспользоваться этим проляпсусом, он еще не решил, но делать это непременно придется.

А Николай Семенович, подобно вольноопределяющемуся Мареку, возгордился от ниспосланного небесами ревматизма и оборзел, выражаясь более поздними терминами, от собственной не... сравненности. И, подобно этому литературному герою, понес свой «Кранкенбух» дальше.

Следующим актом «кранкенбухизма» стал политический спор с одной дамочкой с перчаточной фабрики. Сие предприятие было одним из шефствующих над дивизией и делало много хорошего (и остальные шефы тоже). Шефы материально помогали дивизии, организовывали концерты самодеятельности, плюс многие товарищи, увольняясь в запас, могли рассчитывать на хорошее место, трудоустроиваясь на эту фабрику. Безработицы в стране уже не было, но вот рабочие места были очень разные. Потому заедаться с представителями по пустяковому поводу – это было опять же «кранкенбухизмом», то бишь ненужной бравадой во вред себе.

Николай Семенович же по своему воспитанию был пещерным антисемитом, что среди донских казаков было не таким уж редким явлением, и даже в условиях СССР от этих воззрений не отказался, хотя и сбавил обороты и градус его выраженности.

Тем более, если честно, то и сам наш герой не мог конкретно сказать, за что он конкретно евреев не любит, поскольку нелюбовь возникла тогда, когда Николушка даже еще на службу не попал, а тех самых евреев практически не видел. Так что такой настрой почти целиком вложен был в него обучающим молодых казаков урядником.

Ежели Николая Семеновича морально распотрошить, то можно было бы выяснить, что он был знаком с многими лично храбрыми евреями, вроде комбрига Шмидта, командира 20-й дивизии Майстраха или его нынешнего комдива Зюка. Это были люди, значительно превосходившие в бесшабашности самого Николая Семеновича, что сильно подрывало ценность теории о системности плохих качеств у евреев.

Впрочем, Николай Семенович, как многие люди действия, частенько не замечал, что его позиции не всегда логичны и обоснованны, ибо рациональная сторона не была сильна в его натуре. Или, выражаясь неpolitкорректно, был он вроде пресловутого Кита Китыча Брускова, то бишь тип, склонный к самодурству.

В условиях СССР слишком резко высказывать антисемитские взгляды было чревато даже для беспартийных и темных, как погреб, людей. Оттого приходилось говорить рвущееся из души завуалированно. Ольга Михайловна Земнухина, мастер цеха, пришедшая в тот день в составе делегации в дивизию, была явно не еврейкой, потому неожиданно для бравого капитана обиделась на его фразу, что все троцкисты – евреи. Николай Семенович именно так попытался придать своим взглядам политкорректный вид, но не преуспел.

Тем более что сам он, глядя на нее, ощущал, что «азъ прелюбодѣйствіе с ней свершилъ бы», и, честно говоря, она тоже, если бы не враг рода человеческого подтолкнул его беседовать о вещах, о которых с приличными дамами не говорят.

Но “There are souls more sick of pleasure than you are sick of pain;
There is a game of April Fool that’s played behind its door,
Where the fool remains for ever and the April comes no more”.

В переводе это звучало как-то вроде:

«Где люди умны и счастья полны, но все идет вверх дном.

Есть вещи, лучше их не знать, они вам не нужны.

От счастья гибнет больше душ, чем с горя и нужды»

Итого оба остались недовольными друг другом, а Николай Семенович выставил себя дважды дураком, ибо вместо разных приятностей на пустом месте нашел врага, да еще какого! Поскольку, коль Ольга Михайловна начала возмущаться антисемитизмом у доселе незнакома ей капитана, да так, что накатала заявление на Семеновича, то можете представить, каков ее жар души, и что ожидало бы Николая Семеновича, если бы он повел себя не как самовлюбленный болван!

Даже если бы она заставила капитана уйти от Александры, это было бы менее опасно, нежели антисемитизм и троцкизм (а Болван Семенович и в пылу спора и в этом замарался). Тьфу, прости господи.

Да простят меня читатели за реакцию Костанжогло.

Остальная часть дня прошла тихо, без дискуссий, в изучении и подписании разных бумаг вместо командира. Увы, тогда уже были не те легендарные древние времена, когда полководец видел всю свою армию, знал лично изрядную часть своих бойцов, а вопросы логистики (вот неправославное-то словечко) решались им в стиле: кого сейчас пойдем грабить – Мак-Нубов или Мак-Набов? Было же времечко... Которое сейчас пришло к такому итогу, что генеральское звание тебе дадут очень нескоро, и пока генеральские (или аналогичные) знаки различия украсят твои плечи, петлицы, каску и прочие детали (нужное подчеркнуть), ты давно утратишь пыл юности в борьбе с интендантами, рутинной и бумагами. И вот только тогда МОЖЕТ представиться шанс прославить себя в качестве полководца. Может быть. А пока ты еще капитан, надо закаляться в борьбе с бумагами и начертанными на них планами и резолюциями.

Вот Николай Семенович и проходил термообработку, поскольку еще не утратил желания делать карьеру и не устал до степени «гори оно все огнем» и ушел на гражданку. Вообще, в составлении планов при должной опытности нет ничего особо сложного. И до тебя писали планы, и после тебя писать будут. А раз «до» – значит, план уже существует и может быть в улучшенном виде использован. Нужно только помнить один немаловажный момент: выполнение оных. Точнее, кто их будет выполнять. Поэтому, если ты составляешь план мероприятий по гарнизону или части, то бишь с задействованием многих других, то основной объем дел или

самые неприятные из них должны быть по возможности свалены на других. А если пишешь внутренний план, то на других лиц, а не автора лично. А если ты сам упоминаешься в числе исполнителей, то должен фигурировать в тех, где написано «Проконтролировать», «Изучить», а не в «Выполнить» и «Осуществить». Разумеется, не все зависит от тебя, но, составляя план, именно так нужно делать. А если начальник все же навалил на тебя ту работу, от которой ты предусмотрительно попытался избавиться, то куда ты денешься...

К этой части сегодняшнего труда Николай Семенович отнесся внимательно и аккуратно, в результате чего не увеличилось количества Зла, направленного против него лично. Три орфографические ошибки и бездну не туда поставленных или вообще забытых запятых учитывать не будем. Все равно машинистка штаба, автоматически исправляя одни ошибки, делала другие.

Дома все тоже прошло тихо и мирно. Правда Аида намекнула, что кошка Хромцовых скоро окотится, и хозяева могут отдать котят другим, и замолкла, ожидая, что скажут взрослые. В случае чего – она ведь не просила!

Александра сказала со значением:

– Хорошо бы котята Хромцовых помогали детям в школе учиться, тогда бы за ними очередь стояла! Особенно тех детей, у кого грамотность хромает!

Аида ощутила, что ей нечем аргументировать против.

Николай Семенович после ужина был в благодушном состоянии, потому спросил, бывали ли у кошки раньше котята черного цвета?

Оказалось, что в прошлом и позапрошлом годах все котята шли в мать, то бишь серобелыми случились.

Поэтому Николай Семенович сказал, что если не черные, то он не против, но подтянуть успеваемость девочке все-таки придется.

Александра выставила еще ряд условий, но в принципе дала добро тоже. Аида, не задумываясь, согласилась на все. А чего бы не соглашаться? Кошка еще не окотилась, котенка ей еще не дали, и даже учебный год не начался. Ничего пока делать не надо, только пообещать. Правда, Александра была женщиной предусмотрительной и умела заставить дочку выполнять обещанное.

Автор не сомневался бы в том, что она способна заявить, что коли дочка не исправила свое знание предмета, то пусть котенка отдадут кому-то другому, и стойко выдержать поток слез и обещаний, что все-все будет сделано, только пусть позволят принести котенка в дом!

Сон сегодня не был собранием воспоминаний о прошлом. Потому, проснувшись, Николай Семенович его и не вспомнил. Вроде был, а про что – неизвестно. Раз небеса предупреждений не послали, то надо заняться знакомым и привычным каждому военному делу: действовать при резком недостатке сведений о противнике.

Поэтому Иголкин получил втык за невнимание к чистке оружия подчиненными – в пирамиде аж две недочищенные винтовки! Плюс третья, у которой хлябают ложевые кольца. Тут, конечно, больше вина оружейного мастера, что месяц назад проверил оружие и забирал эту винтовку в ремонт, но и комбат тоже должен ответить, как командир, который отвечает за все! Ответивший за все решил не откладывать кровавую месть Николаю Семеновичу и в этот день не исполнил ее токмо по уважительной причине – свидание ему помешало. Но даже, обнимая свою Лелю, он помнил, что следует сделать поскорее, и это не ее соблазнение – оно само получалось, без зарубок на памяти и записей в записной книжке.

Николай Семенович же достойно завершил вечер в Доме Красной Армии, благо капитану Хрущенко родные из Келеберды привезли копченых лящей (лещей привезли кому-то другому), а он поделился закусью с двумя знакомыми капитанами. Буфетчику, чтобы не ныл, тоже сделали приятное, купив немного закуски у него, и погуляли на славу. Завтра был выходной день, и дежурства по части или чего-то еще не было, так что сегодня можно было и того-с, и завтра отоспаться.

Александрю тоже вниманием не обошли, поэтому она на храп Николая Семеновича жаловалась больше для порядка, чем от сердца.

После обеда семейство предалось культурному отдыху. Сегодня было не пиво, а мороженое и кино «Веселые ребята». Оба его уже смотрели, но не отказались от просмотра еще разок. Плюс женскому обществу города был продемонстрирован Николай Семенович в виде того, как бы: «Смотрите и завидуйте! И те, у кого никого нет, и те, у которых что-то есть, но вот именно, что что-то!»

Аиду тоже можно было бы взять, и даже они хотели, но ее компания девчонок куда-то из двора смоталась, отчего ей не досталось ни мороженого, ни кино. Впрочем, ее не забыли и купили ей сладкого сахарного петуха. Пищевая краска при сосании птицы на полдня окрашивала язык, словно марганцовка, но Аида с этим мирилась, и ее подружки тоже.

Поэтому, когда она вернулась, то узнала, что упустила шанс побывать в кино и все такое прочее, отчего слегка разнюнилась, но быстро успокоилась, получив сахарного петуха.

Николаю Семеновичу же было потом на ушко прошептано, что Аиду бы надо тоже порадовать кино и мороженым, на что он, засыпая, дал согласие, если, конечно, ничего не случится вроде отправки в Ярьески или войны.

Но после них – обязательно!

Глава вторая. Испытание отрока Николая

В январе 1918 года Николай Семенович, которого еще никто так не называл, и двое его одногодков вернулись на родной хутор Евлантьев. Призвали на службу в 1916 году, и до сих пор они тянули лямку в станице Каменской. Увы, первые полгода учили их понастоящему, а потом все хуже и хуже. Революционная трансформация жизни (или как говорили тогдашние контрреволюционеры – революционное разложение) коснулась и казаков. Тем более что фактически боевые действия на фронте прекратились, оттого смысл нахождения в строю невоюющей армии все более ускользал от большинства солдат. А пропаганда помогала этому взгляду. Но все более настойчиво вооруженные люди думали о том, что они могут сделать с оружием дома. И пропаганда подсказывала, что именно.

И все более в воздухе пахло перерастанием войны с внешним врагом в войну гражданскую. Все больше частей с трудом сохраняли подобие прежнего порядка, и все больше людей в них готовились к покиданию фронта. Параллельно же образовывались новые силы, подготавливающиеся к гражданской войне. И они смотрели на вчерашних боевых товарищей уже как на источник чего-то полезного или как на врагов, если те будут сопротивляться. Впрочем, читатели об этом неоднократно читали и видели в кино.

Николай Семенович возвращался домой с ощущением обделенности судьбой. Он произошедшими событиями был лишен возможности стать лихим казаком, что сокрушал врагов и за то был овеян заслуженной славой. Он готовился к славному боевому пути, ради чего терпел все тяготы военной службы, но учеба постепенно сошла на нет, а вскоре вообще молодых казаков распустили по домам.

И это при том, что атаман Каледин уже давно объявил в войске военное положение! В канцелярии им просто сказали уезжать отсюда к чертовой бабушке и даже забыли упомянуть про сдачу оружия и патронов. Оттого винтовка осталась у Николая. Шашка у него была «семейная», доставшаяся от умершего двоюродного дяди. Никифор Евлантьев ходил на склад и выпросил у служившего там дальнего родственника консервов и сухарей в дорогу. От Каменской до Боковской было около двухсот верст, так что поход предстоял немалый. К тому же путь мог невзначай удлиниться – Гражданская война на Дону уже велась. Никифор и Михаил в ней участвовать категорически не желали, а Николай еще не понял, за кем надо идти. Поэтому он пока рассчитывал добраться до дому, а потом... Потом будет видно. Оттого ребята должны были не просто добраться до родных куреней, а еще и не наткнуться на ту вооруженную силу, которой они не понравятся.

Вообще, в январе на Дону воевали со всех сторон больше добровольцы, потому того, что их мобилизуют и поставят в строй, можно было не опасаться (в разумных пределах), но вот задержания и того, что отберут оружие и коней – вполне. Возможна была и отсидка до выяснения. Расстрелов они не ожидали, ибо о подобном не слышали. И их счастье, ибо ходить по тропинке бедствий лучше весело и с энтузиазмом, который поможет преодолеть все наличные бедствия, но немислим без понимания, что происходит вокруг.

У Михаила верстах в двадцати пяти жили родичи, так что он рассчитывал там разжиться овсом для коней.

И они удачно миновали все беды на этой своей тропе. Только раз их кто-то обстрелял, но издали и неточно. Что там в хуторе Вишневом сейчас за власть была – они не стали уточнять, а то вдруг при сближении точность стрельбы вырастет. Боевые действия шли в основном вдоль железных дорог (станцию могли и кружным путем обойти), поэтому стоило свернуть на неторную дорогу, где и двигаться можно было, и недобрых встреч избежать. Хотя и тяжело было ездить по дороге, заваленной снегом. Хозяева и хозяйки давали приют, стол и кров, как

в старину, даже если и не были родственниками и знакомыми, так что трое молодцов удачно добрались и обняли своих родных.

А после того им пришлось думать, как жить дальше. Как и всякая гражданская война, она в России начиналась со многих несуразностей. Первый ход в ней сделал атаман Каледин, заявивший о том, что не признает свержения Временного правительства, и начавший разгон ставших формироваться Советов на Дону. С учетом того, что Временное правительство после провала выступления Керенского и Краснова реальной силой не располагало, да и было арестовано в Зимнем дворце большевиками, это был «сильный» ход, привязывающий жизнь лично Каледина и его соратников к политическому трупю. В итоге получилось то, что с сиамскими близнецами: один умер, а вскоре и второй – от жизни вместе с покойником. Историки, правда, говорят о существовании Временного правительства в подполье, но его деятельность ограничивалась выдачей тайных распоряжений банку о финансировании некоторых текущих расходов государства. «Подпольные» ждали, что вот-вот наступит время Учредительного Собрания, а там злобные большевики уйдут со сцены.

Но вскоре те самые большевики вплотную занялись счетами правительства, и даже это подпольное существование закончилось.

Когда же они занялись Калединым, то и он закончился достаточно быстро, ибо обнаружилось, что на Дону тоже не горят желанием воевать за него. Каледин снова сделал «сильный» ход, легализовав Добровольческую армию, хотя ее возглавляли лица, арестованные Временным правительством и ждавшие суда по обвинению в мятеже против него, но ему было уже не до логики, потому как правительство Ленина собирало силы против него, и по мере готовности они пускались в дело. В борьбе прошли вторая половина декабря и январь. Добровольческий характер армий обеих сторон мешал чисто военным операциям, потому как, чтобы войска шли в бой, им нужно было дать выговориться и уговорить идти в этот бой. Зачастую части объявляли нейтралитет или вели долгие переговоры о сдаче и переходе на другую сторону. Те же самые добровольцы легко переходили от неудержимого порыва к рывку в противоположную сторону.

В лучшую сторону выделялись офицерские и юнкерские отряды, которых не надо было уговаривать драться, но их было не так много.

В итоге в последние дни января красные заняли Батайск, Таганрог, Ростов.

Добровольческая армия ушла на Кубань, чтобы перенести борьбу туда и тем самым сохраниться. В феврале часть сил казаков ушла в Степной поход, чтобы тоже сохраниться, подобно легендарному Неуловимому Джо, в Сальских степях.

11 февраля по новому стилю Каледин заявил своему правительству, что у него только 147 штыков, которые могут защищаться, поэтому он слагает с себя полномочия атамана. И в тот же день покончил жизнь самоубийством. На следующий день начался тот самый Степной поход – в него ушли 1700 человек, которые желали продолжать борьбу с большевиками, но в укромном месте. Возможно, без свидетелей.

Еще за сутки до того воевать были готовы всего 147 человек, а тут уже 1700 борцов...

Видимо, в Новочеркасске была странная аномалия, так искажавшая подсчеты, хотя до сих пор железная руда там не добывается.

Генерал Попов ушел в степи, генерал Корнилов с генералом Алексеевым ушли на Кубань, генерал Каледин ушел за черту, а на Дону победила Советская власть в лице Донревкома во главе с Федором Подтелковым. Чуть позже он стал руководителем Донской Советской Республики – председателем ее СНК.

Но после военной победы Советской власти в январе – феврале эта ситуация сохранялась недолго. Если до этого казачество относилось к ней положительно или индифферентно, а потому ничего против не предпринимало, то за март и апрель все изменилось кардинально.

Причин в перемене отношения казаков много, есть среди них и внешнеполитические – успешное наступление немцев, когда они в апреле – мае заняли изрядную часть Донской области, в том числе Новочеркасск и Ростов. А раз к Новочеркаску, к примеру, подходят немцы, то Советская власть будет проводить малоприятные обществу меры. Скажем, реквизируя транспорт для вывоза ценного имущества. Владельцам заплатят, но что будут стоить советские деньги через несколько дней после прихода немцев? Далее, через донские земли от немцев будут отходить части Красной Гвардии и Красной Армии с Украины? Да, это логично. А кто эти люди, и осталась ли у них дисциплина на уровне или ее никогда не было?

Поэтому на реквизиции революционного анархистского отряда, который будто бы подчиняется советской власти – отвечать будет опять же Советская власть.

Наступающая разруха в стране тоже теперь ставится в вину Советской власти. Да, и то, что довоенные каталоги сельхозмашин и запчастей используются с наценкой 600–700 процентов – тоже вина Советской власти. Но ведь каталоги-то на поставку немецкой сельхозтехники! А ее не будут поставлять без мира с немцами, на который пока решился только Ленин. Поэтому можно ругаться на похабный Брестский мир и на дороговизну сельхозтехники, которая не имеется без этого мира. Как можно удовлетворить сразу оба желания – неизвестно. При этом кубанские казаки не пропускают хлеб в Черноморскую губернию. Им не нужны табак из этой губернии и замки из этой губернии им уже не нужны, они будут курить конский навоз и подпирать двери колом, но не дадут хлеба ни в какую!

Требовала решения проблема наделения землей и правами иногородних, что явно должно было не нравиться казакам, особенно тем, кто продолжал считать иногородних людьми второго сорта. А нельзя же применять прежнюю политику к иногородним! Оставишь, как встарь – оттолкнешь иногородних. Изменишь – оттолкнешь казаков.

Добавим еще, что Советская власть не любила торговцев, перекупщиков и прочих торговых людей и всячески притесняла тех, кого считала спекулянтами.

Простой народ с нею тоже был солидарен в нелюбви к тем, кто торгует на рынке.

В общем, можно много приводить примеров, выдернув их из мемуаров участников событий.

Но автору вполне достаточно отметить факт перемены в унастроениях жителей Дона.

Обращу внимание читателя только на то, на что могли менее обращать внимание – психологическая война против красных.

Она идет и до сих пор, и шла тогда. Взять Ростов и Новочеркасск у белых сил не будет еще долго. А вот опорочить и тем оттолкнуть от советской власти людей можно уже сейчас – распространением сведений, порочащих эту власть. Предположим, что известная расшифровка слова «Республика» как «Режь публику» родилась сама собой в голове не сильно грамотных обывателей. И ее никто специально не придумал.

А вот такой пример, о котором еще будет рассказано и позже. На ликвидацию отряда Подтелкова и Кривошлыкова в конце апреля по старому стилю началась мобилизация казаков, недовольных Советской властью. И вот один из таких собранных казаков через восемнадцать лет рассказывал, что на пункт сбора к хутору Пономарев являются казаки – одностаничники нашего Николая свет Семеновича.

И что они видят: нет в отряде Подтелкова никаких китайцев, французов и немцев, а есть казаки и иногородние, причем много знакомых лиц. Казак продолжает рассказ, что они все это увидели, успокоились и разъехались по домам, ибо тревожиться не из-за чего, а потом их огорошила весть, что почти весь отряд казнен.

А вот теперь проанализируем эту весть. Кто-то распространил слух, что в отряде председателя СНК Донской Республики, то бишь первого лица Дона и своего человека, поскольку он казак, состоят всякие китайцы, французы и немцы. И так они страшны, что для разоружения отряда в 120 человек собрано ДВЕ ТЫСЯЧИ людей. Причем быстро, в режиме сполоха.

Наверное, дело не только в том, что китайцы имеют желтый цвет кожи, что является кому-то особо отвратительным и окончательно подрывает авторитет Советской власти и лично Подтелкова. А есть что-то еще.

И я скажу, что именно – плохо переваренная отрывка такого явления, как «Желтая опасность». О ней писали и разные репортеришки, да и приличная литература отдала ей должное – вроде романов Сакса Ромера о докторе Фу Манчу. Дескать, есть такой Китай, людьми обилён, все желтые, все жестокие, и когда-то они зажгут для всей Европы погребальный костер. А прежде, чем европейцы в нем сгорят, им продемонстрируют чудовищные китайские пытки, от которых даже у зрителей кровь застывает в жилах.

Ну, это было предварительное пугание народа, а потом, когда появилась Советская власть, ее стали обвинять в использовании китайских палачей, которые... сами понимаете, чего, и китайских войск, которые... тоже сами понимаете, кто.

А откуда взялось много китайцев, больше, чем было, и даже вдали от китайской границы? Их при Николае Последнем стали завозить на работу, благо в военное время рук не хватало хронически.

Они железную дорогу на Мурманск строили, в портах грузы разгружали и много чего делали. Поскольку Советская власть декларировала то, что она не разбирает, кто из ее защитников какого цвета кожи, то в ее рядах были и китайцы. К вящему удовольствию белой прессы. Теперь китайские палачи ЧК стали расхожим товаром. Да, китайцы служили и в Красной Армии, может, кто-то и в ЧК.

Но что мы видим? Китайцев готовы увидеть близ хутора Пономарев в составе сил Подтелкова, хотя там и близко их нет? И, чтобы собрать две тысячи казаков почти сразу, как их нужно напугать грозой от этих китайцев? Подумайте, что за ужас, ожидаемый от китайцев, рассказали этим казакам.

Добавлю еще: в августе 1918 года белые заняли Новороссийск. В свежих захваченном городе начался террор, жертвами которого стали и портовые грузчики-китайцы. Они зарабатывали свой хлеб тяжким трудом, в ЧК не служили.

Но почему их убивали без жалости? Потому что казакам рассказали всяких страстей про них. А кто? Вы же не будете утверждать, что простые кубанские казаки поголовно читали Сакса Ромера на языке оригинала?

Кстати, китайцы служили и в белых войсках. Например, у атамана Анненкова была целая дивизия из китайцев.

Творили ли они жестокости? Да. Впрочем, у Анненкова все этим занимались, хоть казаки, хоть китайцы. Там шел отбор по степени людоедства, и не гнушались губительством даже бывших своих.

Но «хоть бы одна свинья либеральная» вроде Мельгунова «хрюкнула». Закавыченные слова принадлежат Салтыкову-Щедрину.

Вот вам, любезные читатели, и психологическая война в чистом виде. Точнее, ее первый этап – расчеловечивание своих врагов. Когда в прицеле хорошо мотивированного борца с красными видится не иногородний из станицы Боковской, а черт из пекла, умело замаскировавшийся, оттого у него рогов и копыт не видно.

* * *

Родные были возвращению Николушки рады, соседи тоже. Особенно радовалась женская часть: Николушкина мамаша, а также три девки, имевшие на него виды. Семья уважаемая, небедная, и парень хорош собою. Ну, если честно, через полвека сказали бы «лучше павиана», но времена всеобщего гламура еще не настали. Тем паче, что только-только притихла большая война, вредно влиявшая на мужское население страны. С прогрессом артиллерии и авиа-

ции, конечно, и женскому населению могло достаться, но эта участь пока хутору не угрожала. Оттого был лишний повод не перебирать харчами, то есть парнями.

Танюшка Громова, как самая боевая, провела Николушку аж в первый же день после приезда. Разумеется, для прикрытия Николушкиных родителей посетила мать Тани, а дочка с нею была вроде прицепа, сидела тихо и только из-под платочка зыркала в Колину сторону, пока хозяйки обсуждали разные бабские дела.

Остальные две своих мамаш сподвигнуть не смогли, поэтому размышляли о Коле в процессе занятий по хозяйству. Машка Евлантьева (из тех Евлантьевых, которые «Ухорезы») даже воткнула иголку в ладонь и за то удостоилась материного выговора, что так и калекой стать недолго, если в мечтах плавать.

Оно, конечно, вечером бы они Николку и увидели, а то и поближе могли оказаться, но как дожидаться вечера? Тяжело.

Вечер пришел и принес сюрпризы, самый досадный из них был в том, что вечер Николка провел с Наташей Мазуровой, которая и его родительский курень штурмом не брала, и железо в руку не втыкала, но за нею Николушка сам зашел. Танюшка, которой это другие девки сказали, от злости младшему брату по шее дала, а потом и обревелась в подушку.

Ее младший братец сорвал свою досаду на кошке Дымке. На ком сорвала зло Дымка, несправедливо получившая пинок, об этом в истории сведений не сохранилось. Скорее, всего, на мышах. Что же сделали обиженные кошкой мыши – это покрыто «мрачной завесой непостижимости».

Особенностью тогдашней сельской жизни была ее жесткая привязка к календарю сельскохозяйственных работ. Зима – время отдыха от прошедшей летней страды и подготовка к следующей. Поэтому в феврале – марте восемнадцатого жители хутора Евлантьева ухаживали за скотиной, развлекались, занимались разными работами и обсуждали все, что происходило вокруг: какая погода была на день такого-то святого, и что это предвещает, что слышно из Ростова и Новочеркасска, а также из столиц и станиц. Конечно, уже существовали газеты, радио, кинематограф, но в невеликом хуторе и не сильно большой станице основными источниками сведений были немногочисленные газеты и устное народное творчество. То есть был Иван Евлантьев (из тех Евлантьевых, которые «Рыжие») по делам в Каменской, так он по возвращению и рассказывал народу, что он видел, что он слышал и про что читал на заборе. Насчет заборов автор не шутит, ибо на них развешивали прокламации, как официальные, так и неофициальные, а не только известное слово писали. Поэтому всякий грамотный, проходя мимо листовки, приклеенной к забору, останавливался и читал. Во-первых, интересно. Во-вторых, и надо. А то висит на нем объявление, что-то запрещающее, а ты и не знал. И за свое незнание страдаешь.

В это же время у забора появилась и новая функция. В городе Бендеры румыны у забора железнодорожных мастерских расстреляли каждого десятого из захваченных ими. Таких набралось около пятисот человек. Забор получил название «Черного» и еще двадцать два года служил демонстрацией отношения румын к местным жителям. После тех событий прошло сто лет, а он продолжает напоминать. Хотя автор не знает, сохранился ли забор живую.

Поэтому слухи, в меру фантазии рассказчика приправленные «балластом», служили очень важным источником сведений обо всем вокруг. И служат до сих пор, только сейчас они стыдливо называются «инсайдами», «фейками» и прочими нездешними словами.

Можно ли было использовать их для целенаправленной дискредитации кого-то, и не сейчас, а тогда? Сейчас-то это ни для кого не секрет. Да, можно, и делалось. Про подтелковских китайцев я уже говорил, можно рассказать об одной удавшейся операции, только незадолго до того закончившейся. Это была история по дискредитации дома Романовых в общественном сознании. Трудная была операция, поскольку добровольных и платных распространителей можно было и того-с, по закону в Сибирь законопатить, за поносные слова на царствующий

дом, а по военному времени особенно жестоко поступить. И пусть вспомнят про то, как за то же самое некогда язык урезали, и не жалуется. Но справились, и в итоге в народном сознании четко закрепились аксиомы: «Царь с „Егорием“, а царица – с Григорием». И в дополнение к этому про покровительство императрицы немецкому шпионажу, отчего на фронтах сплошные неудачи. Лазил ли Григорий Распутин-Новых в царскую спальню – это не всякого интересует, а вот про покровительство шпионам – это задает очень многих. На фронтах воюют миллионы людей, и жизнь их сильно зависит от того, что знает о военных планах враг.

А в тылу еще больше их родных, которые хотят, чтобы их муж, сын, отец и прочее вернулся живым с полей войны, поэтому царица – покровительница шпионажа превращается в личного врага очень многих. Даже если она ни сном, ни духом про немецких шпионов, и Григорию Распутину ничего от ее тела не доставалось.

Кто же был вдохновителем антицарской пиар-компании? Здесь стоит вспомнить латинское выражение «кому выгодно?», а выгодополучателями будут партии и люди, получившие власть после февраля 1917 года.

Задолго до февраля в стране были созданы такие структуры, как «Земгор», уже давно названные чем-то вроде параллельной власти, вроде британского теневого кабинета. Действия же депутатов Государственной думы в феврале были прямо направлены на паралич и сопротивление власти. Вот вам и исполнители. Были ли они, как это часто пишется, точкой приложения усилий Англии? Может быть, может быть... Но даже без этого их действия видны и осознаваемы, как, впрочем, и бесплатных разносчиков слухов, работавших исключительно бескорыстно, лишь из любви к трепанию языком.

Поэтому не надо удивляться, что через год против Советской власти было использовано то же оружие. И любое движение ее сопровождалось черным пиаром: поставили в Свяжске памятник на могиле убитого комбрига Яна Юдина (или Юдиньша) – вуаля, пошла гулять легенда о памятнике Иуде Искариоту. Или история о крейсере «Алмаз», превращенном фантазиями в плавучую тюрьму и место казней, которым пугали детей. На самом деле несколько раз на нем по просьбе властей временно находились арестованные, и не в массовом количестве, пока команда не заявила, что хватит, и перестали это делать даже временно. Про казни разговора нет – все выдуманно. Во времена Деникина провели расследование истории с «Алмазом», и комиссия пришла к выводу, что это сплошь выдумки. Но на выводы наложили резолюцию о том, что всем спасибо, но пусть уж и дальше ходит по миру и стране страшная сказка про ужасных большевиков.

Ярослав Гашек, вернувшись в Чехословакию, узнал, что в местной печати стал героем ужастиков о своей безвременной смерти в лапах большевиков.

«Вернувшись на родину, я узнал, что был трижды повешен, дважды расстрелян и один раз четвертован дикими повстанцами – киргизами у озера Кале-Исых. Наконец, меня окончательно закололи в дикой драке с пьяными матросами в одесском кабаке».

Он, конечно, продемонстрировал, что жив, и даже написал несколько рассказов о добродетельных пражских мещанах, за столиком в кафе смаковавших страшные сказки о реках крови и прочем. Но разве несколько рассказов остановят машину пропаганды?

Вернувшись к Дону – были ли на юге акулы пера, уехавшие из столиц и понимавшие толк в словесных ухищрениях и силе слов?

Да, были.

Скажем, Шульгин и Бурцев. Шульгин даже разведкой и контрразведкой занимался – пресловутая «Азбука». Не забывал и про агитацию и пропаганду. Где-то в занятом красными городе работающие на него женщины могли расклеить объявление среди прочих объявлений местного Совета или вышестоящего.

Только там было нечто иное, противоположное по содержанию. Впрочем, довольно много писателей и журналистов подались на юг, так что писать и распространять слухи было кому.

Чтобы не быть голословным, напомним про другой мем белогвардейской и постбелогвардейской прессы – «затопление барж» с врагами Советской власти.

Михаил Кузмин:

«Эти баржи с заложниками, которых не то потопили, не то отвезли неизвестно куда, эти мобилизации, морение голодом и позорное примазывание всех людей искусства» (6 августа). Это 1918 год.

Баржи затопили в Кронштадте,
Расстрелян каждый десятый, —
Юрочка, Юрочка мой,
Дай Бог, чтоб Вы были восьмой.

То есть Кузмину его знакомые рассказывали всякие страсти, а он содрогался и верил. Еще в 1918 году.

И дальше, и дальше. Господин Войтинский, некогда бывший большевиком, а потом расплевавшийся с ними, вторил: «В 1921 году большевики отправили на барже 600 заключенных из различных петроградских тюрем в Кронштадт; на глубоком месте между Петроградом и Кронштадтом баржа была пущена ко дну: все арестанты потонули, кроме одного, успевшего вплавь достичь Финляндского берега».

Господин Войтинский курс на юриста не закончил из-за занятости революциями, а то, быть может, узнал на лекции, что глубокое место между этими двумя пунктами – это Морской канал. Где затопленная баржа очень нужна, чтобы ей днища пробивать проходящим кораблям. Впрочем, Войтинскому могли перепеть рассказ про тот самый утопительный «случай», которого так испугался Кузмин. Это якобы случилось в августе – сентябре 1918 года, и тоже кто-то доплыл до Финляндии.

Хотя реально на использовании барж смерти ловились именно белые, а вот рассказы о таких вещах у красных остались только в сказках неполживой прессы. Но она пыталась продолжать – про затопление барж после взятия Крыма. Затопление барж с поляками (вместо Катюши), затопление судов в Охотском море с заключенными. Даже современным азербайджанцам это понадобилось – «топить» баржи близ Баку.

Желающие могут вывести, согласно Фрейду, какой именно комплекс порастил распространителей этих «сведений», расценивая баржу как большое, продолговатое, толстое, механически делающее свою работу устройство. Правда без моторчика.

Но авторы Википедии намекают на использование землеотвозного каравана, то есть баржи, обладающей свойством самоходности, а значит, и двигателем.

А разные не привыкшие думать граждане распространяют сведения дальше. Правильно, зачем ходить в архивы и читать про то, как мало оставалось чего-то водоплавающего после ухода белых из портов, чтобы что-то из этих жалких остатков еще и топить! Утопишь, а на чем потом грузы возить? На распространителях этой ереси? Они тогда еще не родились. А Войтинский остался за границей.

* * *

Один житель Дона потом сказал, что «мы тогда каждый день спорили, за кем идти и что делать».

И медленно, но верно, чаша весов стала перетягиваться на белую сторону.

Поэтому на поимку отряда Подтелкова нашлось аж две тысячи казаков. Лошади у казаков были, оружие тоже, осталось только дать команду станичному атаману собраться и двинуться. А кто давал команду станичному атаману?

Может быть, генерал Попов из Степного похода, может быть, генерал Сидорин оттуда же, может, генерал Стариков, в феврале-апреле партизанивший с отрядом казаков из станиц Екатерининской, Усть-Быстрианской и Усть-Белокалитвенской.

И атаманы слушались. Один однохуторянин Николушки, к тому времени склонный к неумеренному пьянству, верховую лошадь продал и стал пропивать полученное. Так атаман захотел беднягу арестовать за то, что он лошадь пропил, хотя ныне сословия упразднены, оттого никто уже этого пьяницу не обязывает выступать на службу со своим конем.

И никто из советских органов не приказывал ему идти ловить отряд Подтелкова.

Это все говорит о том, что существовала параллельная система власти. Есть Донская Республика, председатель СНК, то бишь премьер которой Подтелков, а есть какие-то посторонние силы, приказывающие откуда-то поселковому или станичному атаману подняться и идти арестовывать их же премьера.

И атаман, а также старые казаки начали проводить подготовительную работу.

С молодыми казаками, вроде Николушки, это было попроще. Николушка еще хотел быть героем, с почтением глядел на георгиевские кресты и медали на груди их кавалеров и мечтал сам стать таким. Не будем забывать, что война несла и военную добычу. Привезти ее с австрийского фронта могло быть сложным и неосуществимым, но если воевать с Донецко-Криворожской Республикой или УНР, то все не так безнадежно.

Николушку на нужный путь сманил его дядя Иван Кострыкин, дослужившийся до хорунжего. Дядюшка был побогаче семейства брата и интуитивно чувствовал, что Советская власть богатых не любит. А оттого может часть земли у него оттяпать и передать иногородним.

Иван Николаевич же легче перенес бы социализацию своей Авдотьи Марковны (ходили и такие слухи, про обобществление баб), чем земли и скота.

Поддерживал ту же линию и старший брат Николушки, Яков, уже женатый и успевший пару лет повоевать.

Таким образом желавший славы Николай умело подталкивался в нужную сторону. А контрпропаганды не было. На хуторе были казаки с условно красными убеждениями, но они с молодежью вроде Николушки не общались. Да и другое противоядие против жажды славы, а именно «окопная мука солдатская», Николаем не воспринималась. Поэтому войну он воспринимал однобоко, как в последующие годы воспринимали голливудские фильмы.

О разных ее темных сторонах Николай тоже слышал, но они не ощущались им как неотъемлемая часть войны, скажем так. Он мог сказать: «Кому-то повезло, а кому-то нет. А с мной такого не случится».

Полку Секретева прибыло – дядя и два племянника. Дядя годился даже в командиры сотни, Николай пока себя не показал на практике, но, как оказалось, он на многое был способен.

И Николай поддался искушению и выбрал.

Но враг рода человеческого, по своему обыкновению, подсунил «отроку» совсем не то, о чем тот мечтал.

* * *

И снился ему сон про то, как человек лет так пятидесяти, с искаженным страхом лицом бежит по коридору. На нем ночная рубашка и какая-то накидка, сползшая с левого плеча. Босые ноги топчут каменный пол, и бегущий прямо ощущал, как холод камня под ногами

доходит до сердца. Эта дверь заперта, эта тоже. И никого вокруг! Некого позвать на помощь! Некого!

Последней мыслью угасающего сна была та, что он сам виноват в том, что «некого». Но Николай Семенович слишком сильно был человеком действия, чтобы предаваться размышлениям и философствовать.

Поэтому подсознание хоть и подсказало ему, что не прав, но бравый капитан этого не понял и пошел умываться. Чтобы встретить новый день и новых врагов с чистой шеей и выбритым подбородком. Вдруг бедствия попробуют за щетину зацепиться – а нет ее!

Николай Семенович так и не понял, что его бывшая написала письмо про подвиги благоверного в Туве и Гражданскую, и Особому отделу дивизии уже про кое-что известно. Анкеты из личного дела товарищи особисты прочли и обнаружили, что там про службу у белых ничего не сказано. В РККА Николай Семенович официально числился с 1918 года, когда вступил он в красногвардейский отряд товарища Ковалева (служба в Красной Гвардии тоже учитывалась, как военная служба), и так и служил в ней. О товарище Ковалеве нынешние товарищи особисты не имели представления, кто он такой. Зато есть сигнал, что Свиридов служил в белых.

Может, потом этот Ковалев к белым перешел или к бандитам, как комбриг Маслак из Первой Конной, а Свиридов с ним? И чекистское чутье им подсказывало, что за эту ниточку стоит потянуть. Ведь даже сейчас Николай Семенович много лишнего болтал про политику. А если все вольется единым потоком – и сомнительное прошлое, и десятая часть настоящего, то это будет прямо радость несказанная!

И оперуполномоченный Кугно отправился на поиски в Азово-Черноморский край. Командировка оказалась слишком короткой, но плодотворной.

Капитан Свиридов был уличен в обмане и сокрытии своего прошлого, а также возможной подделке документов. То есть к партийной ответственности его привлекать можно было однозначно. Исключение же из партии часто становилось первым этапом к могиле. Но даже если он останется в кадрах, уже имея строгий выговор с занесением, то и для продолжения банкета кое-что было. Донские товарищи говорили, что он из антисоветской семьи и сам замаран в нехорошем. Поэтому чуть позже Николаем Семеновичем можно было заняться вплотную. Пока же пусть...

Глава третья. «Чемодан» навесом

– Я же говорю: все вскрылось! Сплошная липа! Вот, гляди, его листок из личного дела:

«Свиридов Николай Семенович

Из крестьян, середняк».

Он казак, а не крестьянин!

Работал: 1915 год г. Луганск, шахта «Надежда и Мария», чернорабочий.

А вот теперь читаю, что:

«Я гражданин станицы Вешенской Северо-Донского округа Губанов Арсентий Антонович, красный партизан, бывший член Ревкомитета Донской области в 1918–1919 годах, по вопросу о службе Свиридова Николая Семеновича могу сообщить следующее:

1. Что гражданин Свиридов Николай Семенович мне неизвестен.

2. Трудно предположить возможность ухода Свиридова на шахту, так как станичное правление не дало бы документы о выезде из станицы на частные работы, потому что тогда бы вся станица должна была бы справлять ему коня».

Врет, как старорежимный сивый мерин!

Служил в отряде Ковалева?

«В 1918 году в апреле месяце я не знаю, чтобы был такой отряд (Ковалева), был отряд товарища Забей-Ворота. До сентября 1918 года станция Морозова была занята белыми (восставшими).

Ковалева, братья (Каменская) Василий, Иван, третьего не помню (два учителя, третий офицер), все три служили в Ревкомитета: один казначей, один в культпропе, один в хозчасти, а отрядом ни один не командовал.

Вывод:

1. Из всех этих частей, названных Свиридовым, нельзя установить, где был в 1918–1919 годах Свиридов, т. к. они не существовали. 14-ю сотню Ревкомитет, если была, то распустил бы или часть забрал бы себе куда-нибудь или в какой-нибудь отряд направил бы.

2. Если Свиридов попал в Морозовскую, то значит, был у белых, а в отряд Киквидзе, который был под Царицыном, мог бы попасть только с боем, но Свиридов не указывает, в какой части был.

3. На Дону тогда командовали отрядами Щаденко, Саблин, Петров, Ворошилов, Забей-Ворота.

В своих показаниях подписываюсь. Губанов».

Вот!

– Саша, это все? Потому что если все, то надо идти в дивпарткомиссию, а если нет, то, может, и к Вепринскому?

– Не все, Митя, есть еще такой документец.

«О Свиридове Николае Семеновиче мне известно следующее: его отец Семен Мануилович представляет середняцкую казацкую семью, занимавшуюся земледелием. До революции он имел 16 десятин земли, быков, двух коров, две лошади.

У Свиридова С. М. было два сына – Яков и Николай и дочь Александра. Старший сын Яков в старой армии служил в 11-м полку урядником. В 1918 году и 1919-м Яков служил у белых, точно не помню, но как будто бы в отдельной кавбригаде генерала Старикова, входившей в состав группы генерала Мамантова. Где-то под Филоновской (станция Филоново в районе Сталинграда) Яков был убит, его привезли на хутор и здесь хоронили.

Сын Свиридова С. М. Николай учился в приходской школе на хуторе Боковском (теперь районный центр), входившем до революции в станицу Боковскую. Насчет службы в царской армии Свиридова Николая мне мало известно. Зимой 1918 года, в начале года Свиридов и

Евлантьев Иван Львович (его сослуживец) с лошадьми и винтовками из станицы Луганской (теперь Ворошиловоград, бывший Луганск) вернулись домой на хутор Евлантьев.

В это время тут каждый день шли собрания по вопросу: куда идти, кого защищать.

Весной под командой возвратившегося на хутор из старой армии полковника Сенина собрались казаки с лошадьми и оружием и на хутор Пономарев наступать, там были и красногвардейские отряды товарищей Подтелкова и Кривошлыкова. Там сенинцы были недолго.

Среди них, то есть сенинцев был и Николай, и Яков Свиридовы. По возвращении полковника Сенина с казаками на хутор я слышал, как старые фронтовики ругали Николая Свиридова, когда он хвастался, сколько человек он убил, как метко стреляет: «КАК У ТЕБЯ СОВЕСТИ ХВАТИЛО ЛЮДЕЙ РАССТРЕЛИВАТЬ, ДОБРОВОЛЬЦЕМ ВЗЯЛСЯ!» Свиридов Николай вел себя таким отряхой, уркачом. На пасху этого года, то есть в апреле обратно молва пошла, что восстала против белых слобода Чистяково (иногородние).

Полковник Сенин со своим отрядом казаков, среди которых опять были Николай и Яков Свиридовы, направились в Чистяково. При подавлении восстания Николай Свиридов особо выделялся тем, что он сек плетью жителей слободы, в том числе женщин и детей.

После этого вся эта банда пошла с белыми казаками окружающих хуторов и станиц под Морозовскую станцию. Зимой 1918–1919 года привезли обратно убитого Якова. Рассказывали, что Свиридов Николай был особенным палачом, пленных красноармейцев рубил, особенно иногородних. Когда ликвидировался Деникинский фронт, он попал в Красную Армию. Домой ему нельзя было идти. В 1924 году Николай Свиридов приезжал на хутор Евлантьев, побыл здесь недели две, когда его стали замечать и преследовать, он быстро исчез. Здесь он развелся со своей женой, она года два назад жила на хуторе Фомином Краснокутского сельсовета. По разговорам и как он себя называл, Свиридов Николай был командиром взвода в Красной Армии, учился в Симферополе в школе.

У Николая Свиридова есть родной матери брат, а ему дядя, Кострыкин Иван, который был офицером старой и белой армии, а у полковника Сенина был командиром сотни и принимал активное участие в организации белогвардейских отрядов и повешении тт. Подтелкова и Кривошлыкова. Кострыкин имел крепкое хозяйство и постоянных рабочих наемных.

Сказанное мной может подтвердить житель хутора Евлантьев Евлантьев Яков Антонович.

Свиридова Николая все казаки, с которыми он участвовал в борьбе с красными, иначе не называли как «КАДЕТ», лишь потому что он действительно был отъявленный кадет.

Ни в какой шахте он сроду не работал, уркач он такой был, темный воряга.

Дядя Алексей Мануилович Свиридов (дядя по отцу) в 1930 году раскулачен и выслан. В старой армии Николай Свиридов был не то урядник, не то приказный, а в белой – подхорунжий. Из разговоров возвратившихся после Гражданской войны казаков мне известно, что Свиридов Николай попал в Красную Армию после того, как в Новороссийске белые были разбиты, взяты в плен и тогда Свиридов и попал в Красную Армию.

Хутор наш испокон веку назывался Евлантьев и имел всегда не менее 100 дворов.

Крестился Николай Свиридов, несомненно, в Боковской церкви, справку можно получить в архиве в Ново-Черкасске, церковь тогда называлась Зенцовской.

В своей подписи расписываюсь Гордеев Степан Алексеевич».

Этот дед Степан прямо премии заслуживает. Гляди: сведения про службу неправильные, отряда Ковалева никакого не было, зато есть сигнал, что служил белым.

– В двадцать седьмом году амнистия была, и всех, кто белым служил, простили ради годовщины Октября. Ничего не выйдет.

– Как это не выйдет? Читай внимательно! Что дед пишет: участвовал в расстрелах, сек плетью женщин и что еще? Расстрел отряда Подтелкова и Кривошлыкова! «Тихий Дон» читал?

– Ну, читал...

– Вот тебе и ну! Если нет ошибок – знаменитый палач на нашу удочку клюнул! Только бы не сорвался! Айда к Вепринскому!

* * *

Иосиф Абрамович Вепринский их доводам внял и решил, что с Николаем Семеновичем следует поступить так.

Чтобы крупная рыба не ушла в глубину, ее нужно малость измотать.

Если сейчас подступать с обвинениями по тринадцатой части, то бишь о борьбе с революционным движением, – сорвется. Надо все же узнать побольше и запастись свидетельскими показаниями с более значительным размахом. Тогда и, кстати, можно будет обойти вопрос с амнистией.

– Потому, дорогие товарищи, вспомните вот про что: «Давность применяется, если за все это время не было никакого производства или следствия по данному делу, и, если при том совершивший преступление, покрываемое давностью, не совершил за указанный в настоящей статье срок какого-либо другого однородного или не менее тяжкого преступления».

А потому работайте, чтобы доказать, что наш подозреваемый продолжает заниматься контрреволюцией. Ты ведь, Александр, про это говорил? Вот-вот, когда наберется материала на антисоветскую агитацию, так и тринадцатая часть пойдет как по маслу.

Ибо сказано, что «в отношении лиц, привлеченных к уголовной ответственности за активные действия и активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных или особо секретных должностях при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны, как применение давности, так и замена расстрела предоставляются усмотрению суда». Так что надо трибунал снабдить всем, что нужно для его усмотрения.

Пока же пусть вражина потаскает за собой капкан. А для этого сообщим о службе его в белых нашим дорогим чапаевцам, какую змею они на груди вырастили. Так что пусть его из партии выгоняют, ибо давно пора. А может, и из армии уволят. Он явно занервничает и пару глупостей допустит.

А ты, товарищ Кугно, снова порадуешь собой его родину и вернешься с лучшим уловом. Действуйте!

Оперуполномоченные вышли, а Иосиф Абрамович довольно улыбнулся. Теперь посмотрим, что скажет товарищ Зюк, что командует дивизией, когда узнает, что у него служит такой вот Николай Семенович, что не только замкомбата, но и скрытый белогвардеец и палач?

Бумага из НКВД произвела эффект попавшего в штаб дивизии «чемодана». В минувшую германскую войну так называли тяжелые снаряды. Поэтому многих действительно контузило, а у тех, кто устоял от удара, было много пицци для разговоров.

Начальник политотдела Гусев впал в легкое замешательство, но быстро оправился и отправил Николая Семеновича на дивизионную парткомиссию.

А тот признал, что действительно служил у белых, а в Красную Армию пришел только в Новороссийске, а именно в марте двадцатого года. В анкетах же биографию ему подправил один делопроизводитель в двадцать первом году.

Это исправление якобы сделано было без его ведома, о нем бравый капитан узнал позже, но ничего менять не стал. Дескать, мне все едино.

Тут Николай Семенович был неправ. Почти два лишних года службы, в том числе участия в боевых действиях – это не такая маленькая сумма досрочной пенсии за эти два года, которые он получать не имел права. Впрочем, пенсия – это должно случиться в будущем и ее еще не выплачивали.

А вот подлог в документах – нечто уже посерьезнее, как и сокрытие службы в белых. Нельзя сказать, что к 1936 году в армии осталось много ранее служивших у белых и в разных националистических армиях, но такие были, и даже на высоких постах. Удержался бы в партии и в армии ничего не скрывший Николай Семенович – бабушка надвое сказала, а вот скрывший грехи молодости – точно нет.

Он, кстати, указывал, что о службе в белых при принятии в партию говорил, но это не помогло. Хотя капитан мог не соврать, ибо принимали таких в партию, но вот сегодня веры ему ни в чем не было.

По крайней мере, дивизионная парткомиссия его из партии исключила. И он протестовать и апеллировать в более высокие инстанции не стал – чего уж тут жаловаться, скрыл или не скрыл, а шило вылезло из мешка. Ссылаться на удалого делопроизводителя, просто так (или не просто) приукрасившего биографию, – это было не повзрослому.

Поэтому в штабе дивизии шушукались, а иногда и спорили, Иголкин ходил, сияя, а оба полковых уполномоченных Особого отдела делали непроницаемые лица. Слово «покерфэйс» в стране не было широко известно, а потому «непроницаемые».

Когда на следующий день капитан пришел сдавать Гусеву партбилет, к нему никто не подошел. Впрочем, он особо не нуждался в словах утешения. Николай Семенович думал пока о другом. А именно о комбриге Михаиле Иосифовиче Зюке, что являлся командиром и комиссаром дивизии – что он решит насчет его дальнейшей службы.

Занятие этих двух должностей сразу означало, что командир-комиссар пользуется таким политическим доверием, что не нуждается в надзоре политического комиссара за собой.

Понятие немного устарело, особенно в свете борьбы с оппозицией, но оно, кстати, уже отживало свое.

Михаил Иосифович, как активный оппозиционер, тоже засиделся на ответственной должности, но его время наступило в августе. Только об этом еще никто в городе Полтаве не догадывался.

Пока же Гусев принял партбилет и повел Николая Семеновича к комдиву.

До этого они не встречались, если не считать присутствия на одних и тех же мероприятиях, вроде праздников.

Михаил Иосифович был чрезвычайно темпераментным человеком и своей непосредственностью частенько вводил в шок ее зрителей.

И сейчас он не изменил себе. Николай Семенович ждал решения об увольнении с позором и долгого поминания своих грехов. А вышло коротко и мощно.

– Ну что, товарищ Гусев, он признался, что у белых служил?

– Да, товарищ комбриг, все так, как в меморандуме писалось.

Товарищ Гусев любил использовать умные и иностранные слова.

– Ну-ка, выйди из-за спины начальника политотдела.

Николай Семенович вышел.

И был со знанием дела изруган скверноматерными словами. За трусость и сокрытие.

– И что ты, капитан, дальше делать собираешься вот посл... (еще несколько таких же слов)?

– Да я, товарищ комбриг, на курорт собирался ехать, путевка уже есть...

Но теперь...

– Товарищ Гусев, пусть этот... (далее снова последовал залп характеристик скверноматерного характера) едет на курорт, как собрался, к ... матери (мать Николая Семеновича была тоже охарактеризована очень скверно). А потом подумаем, что с ним делать.

Зюк развернулся и пошел к столу, сделав знак, что беседа закончена.

Удивленные Гусев и капитан ретировались.

* * *

Вообще, лето этого года в еще не областном городе было каким-то чреватым. Слово «чреватое» употреблено в старом значении, когда-то так говорили о беременных. Так вот и тут – никто не знал, что будет, но многие ощущали, что нечто грядет.

Ожидается – неясно, что и где.
Только слышится негласно: «Быть беде».

Кому недостаточно авторитетен Игорь Нерцев, тот пусть вдохнет истину из «Чистых вод»:

Do not go around tonight,
Well, it's bound to take your life,
There's a bad moon on the rise.
Не ходи сегодня ночью,
Что ж, это обязательно отнимет у тебя жизнь,
Плохая луна на восходе.

Видимо, время больших перемен несет впереди себя волну чего-то, которая ощущается большинством как некое непонятное ощущение беспокойства. Некоторых оно не трогает вообще, а некоторые, как особо чувствительные, берут в руки музыкальный инструмент, кисть, перо и рожают нечто вроде «Предчувствия гражданской войны». А уж потом критики и ценители будут упиваться тем, что их любимец предвидел грядущее. Правда, пророчество выдано было на каком-то непонятном языке, и переводчик куда-то запропастился.

В защиту пророков стоит сказать, что им тоже дается неполный взгляд на будущее. И явно из соображений человеколюбия. Вот, предположим, что некто получил откровение, что 22 июня 1941-го, ровно через три года от сегодняшнего дня, начнется война, в огне которой сгорит его город, его диаспора, его семья и много чего и кого. Пусть даже не он сам. Насколько ему легко будет идти по городу и видеть: «Сапожник Рувим, у которого моя семья чинит обувь. Будет расстрелян вместе с семьей в противотанковом рву, который копали его внуки-старшеклассники». «Мой одноклассник Саша Маков. Погибнет под минометным огнем на поле у деревни Крюково». «Маша Иванова из соседнего подъезда. Ждала Сашу Макова с фронта, пока не узнала, что он погиб. Дальше без него жить не захотела».

Вот вообразите это и увидите вокруг себя то, что от трети до половины мужчин призывного возраста, которые проходят перед взором, вскоре умрут.

Как вам тяжесть этого знания? Так и умом подвинуться недолго. Недаром считались пророками юродивые и блаженные.

Так что, когда читатель возьмет в руки книгу про попаданца в прошлое, он разве увидит этот ужас своего знания? Нет.

Зато прочтет про судорожные попытки внедрить что-нибудь из будущего. Этого в книгах хватает. Насколько это все возможно, читатель может оценить все на простом примере. Предположим, осенью 2019 года откроется ему тайное знание, что придет весна будущего года и с ней коронавирус, и в придачу сотни смертей. И пусть даже без второй волны осенью и последующего. И пусть он честно скажет, что бы смог сделать? Способен ли он не только озадачить высших должностных лиц своей страны, но даже просто отговорить от поездки за рубеж на отдых своего знакомого?

Так что лучше без видения будущего.

Хватит с человека и ощущения неясной тревоги и беспокойства.

Но следует сказать, что не все ощущают просто беспокойство и не все также получают провидение будущего.

Невидимые волны сдвига времен могут прихотливо сотрясти их душу.

А результат сотрясения души иногда выходит еще более прихотливо.

Как с техником-интендантом Щербанем, что охранял от пожаров военный склад номер семьдесят два.

Служба у него была сложная и тяжелая, ибо проклятый царский режим организовал артиллерийский склад прямо в жилой застройке, отчего семнадцать хранилищ боеприпасов были окружены домишками обывателей. А в одном из семнадцати хранилищ лежали даже авиабомбы с ОВ. А между хранилищами разрывы не достигали сорока метров, что в норматив не укладывалось. Андрей Васильевич Щербань про недостаточные противопожарные разрывы знал, но вот про разные ядовитые газы – нет. Поэтому возложенная на него тяжкая ноша долга охраны города от склада постоянно давила на душу и требовала некоторых специальных мероприятий по ее разгрузке.

Вот Андрей Васильевич дождался отпуска и решил разгрузить свою душу.

Рецепт был простой: хорошая компания, «Английская горькая» по 6 рублей 10 копеек за пол-литра и вишневая настойка. Извините, забыл, почему она была, но вроде даже подешевле. Принимать лекарство, пока душу не отпустит.

Отпуск настал, оттого долой гору с плеч! Андрей Васильевич пошел к приятелю из складской охраны с предложением. Тот и был рад, но сильно ограничен временем – в десять вечера ему надо было заступать на пост, а сейчас на часах уже без четверти восемь. Так что можно, но очень ограниченно. Стоило бы перенести на потом, но товарищ Щербань уже заждался праздника для души.

Поэтому оба товарища пошли в гости к девушке приятеля, обоснованно рассчитывая, что она и закуску приготовит, и, может, даже компанию увеличит, пригласив свою подругу. На блуд и разврат Андрей Васильевич, как женатый человек, не был согласен, но посидеть в приятной компании девушек был не прочь. А жена... Ну что жена, у нее-то душа не болит от груза переживаний за склад, у нее другое... Пусть сидит дома и не отвлекает, пока душа мужа отходит от пресса обязанностей.

Поскольку времени было немного («цейтнот» или «дедлайн» – как будет угодно), на веселье отводилось даже меньше часа. Идущий на пост охранник выпил всего стопку (чисто для компании), девушки пили вишневку, а Андрей Васильевич принял все, что оставалось в бутылке «Английской горькой», причем быстро, и без особенной закуски.

Впрочем, все было пока в рамках благопристойности.

Он даже поделился жизненным опытом, когда вторая девушка пить вишневку отказалась: – Ты же комсомолка? Комсомолка! Поэтому, когда тебе старший товарищ, то есть я, как коммунист, говорит, что надо выпить, то твой долг – слушаться старших. Они плохого не посоветуют!

Девушка поддалась и выпила.

Время вышло, охранник пошел на пост, подруга его провожала, а вторая девушка отправилась с ними.

Андрей Васильевич попрощался и ушел в вечерний сумрак, и что делал последующие три часа – никто не ведает. Автор предполагает, что продолжил пить еще где-то, но вот подтверждений этому нет.

И в городе царил мир и спокойствие приблизительно до половины первого ночи.

А в полпервого жители трех домов по улице Комсомольской проснулись от грохота разбитого стекла.

Некто методично бил стекла камнями, перемежая броски громкой руганью. Когда житель высовывался в окно и спрашивал: «Какого этого самого?», некто ругал и вопрошавшего. Всего так пострадало полтора десятка окон.

Пока на улице звучал лишь мат-перемат и звон стекол. После того, как проснулся Иван Попов, директор местной обувной фабрики, то он тоже спросил: «Какого?»

Его тоже обругали. Тогда Иван достал револьвер, который был у него, как ответственного работника, и пригрозил, что будет стрелять. Но темная фигура во мраке ночи, она же стеклобойщик и матерщинник, ответила, что:

– Стреляй, всех не перестреляешь!

И добавил мата-перемата.

Иван выстрелил, но специально в сторону, и в фигуру не попал. Стеклобойщик продолжал сквернословить.

Тут народу во дворе прибавилось, и местные жители скрутили ночного дебошира, оттого все смогли безопасно на него глянуть. В процессе нейтрализации ночной ужас немного пострадал, особенно его форма.

Все пока шло в пределах, хотя и социально порицаемого, но не настолько уж жуткого. Дебоши случались, пьяные дебоши тоже, и даже военнослужащие их учиняли (а на ночном госте была военная форма, хотя и пострадавшая при задержании) – ну, и такое бывало. И даже в НКВД. Кстати, у Андрея Васильевича такое уже случалось дважды, отчего его по партийной линии прорабатывали. Года три уже ничего подобного не было.

И тут произошло нечто не совсем понятное. Притихший было ночной хулиган возопил, аки сирена:

– Да здравствует товарищ Троцкий!

Протоколы умалчивают, что подумали услышавшие это.

– Да здравствует мой любимый Гитлер! Я его приветствую, а вас перережу!

Все аж онемели.

И, чтобы добить слушателей окончательно:

– Долой Сталина и Ворошилова!

Автор готов поспорить, что до отделения милиции его доставили в более пострадавшем виде, чем он был до этого. Там выяснилось, что мешал спать жителям трех домов ни кто иной, как техник-интендант Щербань Андрей Васильевич, что служит на 72-м артиллерийском складе начальником его пожарной охраны и так далее и тому подобное.

Наступило утро, действие «Английской горькой» закончилось, и техник-интендант пришел в себя, понял, кто он, где и что с ним, вот только с памятью его что-то стало, и все, что произошло с ним после десяти вечера, совершенно изгладилось из нее. Как утюгом изгладилось!

Потом Андрей Васильевич, конечно, клялся и божился, что не любит Гитлера, не раз критиковал Троцкого и троцкистов на партсобраниях, ничего против товарищей Сталина и Ворошилова не имеет... А отчего так? Ну, водка виновата. Универсальное оправдание, от века и до сего дня.

Говорят, когда-то это помогало, и автор читал об этом у Гашека, что австро-венгерская юстиция не карала тех, кто был «пьян, как свинья». Может быть.

Но Андрей Васильевич сам отвечал за себя. А поскольку он публично произносил антисоветские речи, чему было много свидетелей, то и ответил за антисоветскую агитацию. И «Английская горькая» не освободила его.

Четыре года лишения свободы.

«Вот что водочка – божья сила, с дурнями делает!» – как сказано в другом романе.

Но настал 1991 год, и лихой огне- и тираноборец был реабилитирован, как жертва политических репрессий. Несмотря на то, что призыв Щербаня «Да здравствует мой любимый Гитлер!» даже в свете волны реабилитации жертв политических репрессий выглядит некрасиво.

Если же перевести случай из политического преступления в чисто уголовное, то за «немелкое» хулиганство с побиением стекол в трех домах и угрозы убийством («я его приветствую (то есть Гитлера), а вас перережу») он вполне мог заработать несколько лет отсидки, да еще и с вменением статьи 14. Эта статья предусматривала принудительное лечение от алкоголизма в местах лишения свободы, и пока получивший ее не пройдет полный курс лечения, то условно-досрочное ему не светит.

Глава четвертая. Отрава прошлого

К захвату подтелковцев они опоздали. Как ни спешили, а всё, сидят те под замком, ни смертного боя, ни дувана. И досадно, и обидно. Скоро будет суд, и всё для них, а евлантьевских теперь по домам отправят, ей-ей. Николушка и ряд молодых казаков чувствовали себя обделенными тем, что великое дело мимо них пронеслось. Казаки постарше, краем уха услышав про это, только посмеивались – дескать, что с вас взять, молодых да глупых. Впрочем, томление практически у всех было, ибо дома дел невпроворот, а их, когда все уже закончилось, никак по домам не распустят. Офицеры же на вопрос, когда по домам, просто рычали.

Пока же казаки обсуждали все поступившие слухи и сплетни о политике. Чья власть будет в Киеве и как это отразится на Дону? Что решат на Кубани, чья там власть будет: казачья или красная, а если казачья, то не объединятся ли они с Киевом? Как быть с немцами? Как быть с добровольцами? Не вернется ли красная власть? Впрочем, насчет ее было почти всеобщее мнение, что мужики отдельно, а казаки отдельно, потому, если нас не тронут, то и мы не тронем. Повоевавшие, вообще, заявляли, что, будя, навоевались. Впрочем, прошло потом очень немного времени, и они как миленькие пошли воевать и даже за границы области войска. Ну и более животрепещущий вопрос: что будут делать с Подтелковым и его отрядом? Суд – это понятно. Простым казакам из отряда, по общему же мнению, полагалась порка. Неказачков чаще предлагали выставить за пределы области. Иногда тоже выпоров, иногда предлагали просто выставить, тем более, что китайцев и французов среди них не оказалось. Сложнее было с Подтелковым. С одной стороны, он свой казак, а не какой-то приبلудный. Но с казака и спрос строже. За что спрашивать? Вот тут-то и разгорались споры. Чаще всего его винули в расстреле Чернецова и других пленных. Но им возражали, что и раньше не раз бывало, что сдавшихся в плен убивали, особенно, когда их случалось во много раз больше, чем казаков.

Все ждали суда.

А дальше было вот что.

Александр Степанович Сенин, 1891 года рождения, подьесаул, дальнейшее описывает так:

«Вечером состоялись выборы членов суда от каждой части, причём так, чтобы от каждого хутора было не меньше одного представителя или двух.

Суд состоялся ночью. Судили заочно. Из членов суда был выдвинут президиум. Председателем суда был есаул Попов Василий Степанович. Члены: сотник Попов Афанасий Степанович, второй, кажется, Кумов Иван Яковлевич, но точно не знаю. Секретарём был выбран я. Но фактически должность секретаря исполнял Попов. Он составлял и писал своей рукой приговор, а нам всем дал подписать им составленное.

Перед тем как вынести приговор, сотник Попов Афанасий Степанович выступил с длинной громкой речью, всячески обвиняя подсудимых. Эта его речь и сыграла роль в вынесении столь сурового приговора.

Было вынесено: из 82 человек двух как главных руководителей – Подтелкова и Кривошлыкова – повесить, 79 человек расстрелять и одного освободить. В этом же приговоре я был назначен начальником караула».

Это из его показаний 1930 года.

Другой человек:

«Я был мобилизован в белобандитский отряд полковника Сенина. В нем было много моих односельчан, в том числе и Свиридов Николай Семенович. Отряд полковника Сенина, в том числе и Свиридов Николай Семенович, принимал активное участие в ликвидации отряда Кривошлыкова и Подтелкова. Сотня, в которой находился и я, была направлена в хутор Орлов с целью задержания при встрече с красногвардейским отрядом. Однако нам не пришлось столк-

нуться с отрядом Кривошлыкова и Подтелкова, так как он был разоружен другой сотней казаков. Припоминаю, что, когда мы пришли на хутор Пономарев, кривошлыковцы и подтелковцы уже были разоружены и посажены в каморы. Наш командир, сотник Попов, как только мы приехали в Пономарев, обратился к полковнику Сенину с вопросом: «Нужна ли его сотня в Пономареве», на что получил ответ: «Без вас справились. Вы можете уезжать на охрану имения Кузнецова». Спустя час мы уехали обратно, что было в хуторе Пономареве, не знаю, за давностью лет не припоминаю.

Когда вернулся весь костяк белоказачков Сенина, мне рассказывали казаки, что весь отряд красногвардейцев по повелению (?) военно-полевого суда расстрелян, а Кривошлыков и Подтелков повешены.

Мне Свиридов Николай в личной со мной беседе хвастался, говоря: «Ну что же, я человек семь сам расстреливал». На что я сказал так: «Дурак! Зачем же ты их расстреливал?»

Он ответил: «Я бы отца не пожалел, если бы он стоял на дороге». На мой вопрос, кто его назначил расстреливать казаков, он ответил: «Никто, я лично сам, добровольно участвовал в расстрелах».

Расстрел всех остальных станиц и хуторов. Среди них был и представитель нашего хутора Степанов Даниил (ныне находится в Соловецких лагерях). Кто остальные участники расстрела, я не знаю, но припоминаю, что среди участников был казак по кличке Кадет, по имени, кажется, Николай.

Откуда он происходит родом и как его фамилия, я не знаю».

Еще:

«Мне известно следующее: отряд Кривошлыкова и Подтелкова сложил оружие, предварительно договорившись о том, что их отпустят. Но все участники были переарестованы и посажены под арест в лавку местного богатея. Всю ночь заседал полевой казачий суд под председательством офицера Попова. ... дня все участники отряда были расстреляны на Пономаревском кладбище, а руководители отряда Подтелков и Кривошлыков повешены. В момент расстрела все еще находилось много народу из хуторов, прилегающих к хутору Пономарев, в том числе и я. Таким образом я наблюдал за ходом расстрела красногвардейцев, в том числе и за своим сыном, который был расстрелян с третьей партией. Расстрел производили добровольцы – казаки из разных хуторов и станиц. В общей сложности расстрел производили 17 палачей. В числе которых мне помнится Кудряшов из хутора Попова (неизвестно, где скрывается), Болдырев Александр из хутора Пономарева (расстрелян при Советской власти за участие в бандитизме), Агапов Павел Петрович из хутора Пономарева (осужден за контрреволюционную деятельность в 1930 году и ...неизвестно), Свиридов Николай Семенович из хутора Евлантьева Боковского, личности которого я не знаю, но в хуторе Пономаревом говорили о том, что в расстрелах принимал участие молодой казак из хутора Евлантьева Свиридов Николай, который якобы сейчас служит командиром в Красной Армии.

...Несколько месяцев тому назад мне говорила гражданка Рожкова Мария Яковлевна. Мы с нею собирались подать заявление начальнику РО НКВД.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.